

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МЕНАСИВА (УГРОЗА) И ИНЪЮКТИВА (ПРИКАЗАНИЕ)

Косимов Алижон Рахматович

старший преподаватель кафедры русской филологии,
Ферганский государственный университет

Носирова Садафхон Азаматовна

студентка 4 курса
направления Филология и обучение языкам: русский язык
Ферганский государственный университет

***Аннотация.** В данной статье описываются семантико-прагматические особенности выражения менасива (угроза) и инъюктива (приказание). Несмотря на обилие классификаций и классификационных признаков, разработанных лингвистами для типологии речевых актов, между ними можно проследить определенное сходство. Она заключается в наличии сходных или даже идентичных групп речевых актов в разных классификациях, несмотря на то, что классификация основана на разных признаках и группы называются по-разному. Тем не менее, их прагматическая функция может быть одной и той же.*

***Ключевые слова и выражения:** менасив, инъюктив, семантико-прагматические особенности, речевой акт, прагматическая функция, нейтральный директив, категорический директив, превентив.*

Представление прагматических ценностей в виде иерархии коммуникативных целей может показаться наиболее практичным. Самый высокий уровень в его системе состоит из 4 основных зон: сообщение,

мотивация, оценка и фатические высказывания. Каждая из зон представляет собой объединение определенного набора специфических прагматических типов высказываний (РА), которое имеет более или менее четкое ядро и развитую периферию. Ядро и периферия характерны как для плана выражения, так и для плана содержания. Например, ядром в области сообщений является отчет, затем идет утверждение, констатация, предположение. Вопросительные высказывания имеют особый статус в этой классификации, занимая промежуточное положение между зонами коммуникации и мотивации.

Важным преимуществом такой классификации является то, что граница между зонами представляет собой не линию, а полосу. Языковые структуры, которые попадают в эту часть поля, обладают характеристиками обеих смежных функциональных зон. Подход к прагматическим значениям с точки зрения иерархии коммуникативных целей позволяет анализировать высказывания не только по наличию/отсутствию в них определенного признака, но и по его интенсивности. В. И. также говорит о полевой структуре РА. Карасик, признавая при этом существование прототипических: приказов, просьб, извинений и более сложных «размытых» РА, которые, с определенными оговорками, можно отнести к той или иной группе [1].

Поворот к изучению высказывания в ономазиологическом аспекте, когда разные языковые формы выражают одно и то же содержание, вызвал повышенный интерес к анализу речевого поведения в различных условиях общения. Собственное значение высказывания (то, которое складывается из значений его компонентов), как было показано выше, не всегда совпадает с его прагматическим значением (тем, которое определяется ситуацией общения). Итак, обычная констатация факта: «Он придет завтра» — в реальных условиях общения становится либо обещанием, либо предупреждением, либо угрозой.

В качестве примера анализа конкретного речевого акта обратимся к речевой ситуации угрозы. Выбор объясняется тем, что, как отмечается в монографии М. Г. Безяевой, коммуникативная задача угрозы была изучена

меньше, чем другие целевые установки. В последнее время в ряде работ была предпринята попытка определить цель угрозы, и исследования проводятся, как правило, в традициях теории речевых актов [2].

Актуальность изучения этой проблемы обусловлена еще и тем, что она связана с двумя исследовательскими программами в современной прагмалингвистике: анализом функционирования постулата «вежливости» в разных культурах, а также теорией конфликтологии. Как разновидность вербальной агрессии, угроза противоречит кодексу коммуникативного поведения и приводит к конфликту.

В русской лингвистической традиции угроза ассоциируется с повелительностью, повелеваемостью, волей. Будучи мотивационным речевым актом, угроза функционирует как особый тип мотивации к действию (или бездействию), в котором заинтересован говорящий. Угроза относится к адресантноиницирующим речевым актам, поскольку адресат, чтобы обязать, склонить адресата — предполагаемого исполнителя — к своей точке зрения, возлагает на себя ответственность за ход действия. Предпосылка заключается в том, что получатель-исполнитель изначально не разделяет точку зрения адресата, занимает нейтральную или противоположную позицию, что подразумевает возможность сомнения, неподдержки. Данные характеристики сближают угрозу с такими речевыми актами, как обещание, клятва и позволяют большинству лингвистов, в том числе Дж. Серлю, относить угрозу к комиссивам [3].

Однако следует отметить, что осуществление речевого акта угрозы предполагает радикально противоположные комиссарам подготовительные условия. Так, Дж. Серль в статье "Что такое речевой акт?", анализируя речевой акт обещания, проводит различие между обещанием и угрозой. "Фундаментальное различие между обещаниями, с одной стороны, и угрозами, с другой, заключается в том, что обещание - это обязательство сделать что-то для вас, а не в ущерб вам, тогда как угроза - это обязательство сделать что-то во

вред вам, а не для вас. Обещание неверно, если они обещают сделать что-то, чего получатель обещания не хочет; это тем более неверно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет, чтобы это было сделано, поскольку правильное обещание должно восприниматься как обещание, а не как угроза". [4]. Например, Регина Аркадьевна, она мечтает учиться у вас. Пожалуйста, пожалуйста... Я заплачу за свою дочь, просто заберите ее (Маринину). В этом примере выражение "Я заплачу за свою дочь" представляет собой обещание, а не угрозу, поскольку адресату не причиняется никакого ущерба. Остановись, Лариса! Иначе вы пожалеете об этом! (Пронин). Выражение "Иначе вы об этом пожалеете" является угрозой, так как предсказывает негативные последствия для адресата.

Если обещание, клятва декларирует добровольное действие, которое обычно отвечает интересам исполнителя и тем самым неявно выражает стремление принять сторону адресата, то угроза, как правило, прямо или косвенно представляет ситуацию выбора. Адресат-исполнитель должен выбрать, совершать ли действие, которое якобы отвечает его интересам, или ожидать от адресата выполнения обещанного (чаще всего негативных последствий). Эта ситуация выбора лишь маскирует первоначально принятое обязательство действовать в интересах говорящего, что характерно для категорической директивы.

Наличие такого прагматического обстоятельства, а также часто явно выраженного мотива - действия, на выполнение которого исполнитель должен сделать выбор, позволяет отнести речевой акт угрозы к директивным.

Обратите внимание, что мотивация, содержащаяся в угрозе, может выражать целый ряд прагматических значений:

- категорический директив:

- запрет: Слушай, перестань морочить мне голову, я сейчас позвоню на место службы. Здесь содержится просьба говорящего прекратить действие, совершенное адресатом;

- приказ: молчи, иначе я тебя укушу;

- нейтральный директив — совет: Не как-нибудь, а возьми машину, - строго сказал Алексей. — Иначе послезавтра ты даже не сможешь ходить в тапочках;

- смягченный директив — просьба: Поэтому, пожалуйста, ведите себя таким образом, чтобы не вынуждать меня прибегать к крайним мерам. И я приму их, как только пойму, что ты несерьезный человек;

- превентив (предостережение): Любой шаг в сторону - и ты покойник. Любое лишнее слово, лишний жест или самый незначительный вопрос, выходящий за рамки вашей работы, - это будет тот самый шаг в сторону.

Тот факт, что речевой акт угрозы приписывается либо комиссарам, либо директивам, объясняется его сложной двойственной природой, поскольку в семантике угрозы присутствуют два компонента: с одной стороны, это стимул совершить действие в интересах говорящего, с другой - побуждение к совершению действия в интересах говорящего. обещание негативных последствий в случае неповиновения.

М.Г. Безяева определяет значение угрозы, подчеркивая ее превентивный характер: угроза - это "предупреждение (я хочу, чтобы вы знали) о желании говорящего совершить нежелательное для слушателя (или третьего лица) действие, если он совершил, совершает, передоверяет или возобновляет действие нежелательное для говорящего или третьего лица, либо не совершило, не совершает, не хочет совершать или возобновлять действие, желательное для говорящего (реже третьего лица), которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего" [5].

Несмотря на проблематичность определения типа речевого акта, к которому относится угроза, обобщенная семантическая модель этого речевого акта такова: (Не) делай что-либо, иначе я сделаю тебе плохо.

В прагмалингвистике такие модели речевых актов основаны на языке семантических примитивов, активное использование которых

продемонстрировано в работах А. Вежбицкой. Давайте сравним интерпретацию угрожающего речевого акта этим исследователем [4].:

Если ты пошевелишься, я выстрелю (угрожающе) = Предполагая, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя (или: что если я выстрелю в тебя, тебе будет плохо), желая убедиться, что ты знаешь это заранее и не сделаешь этого, я говорю: если вдруг ты пошевелишься, я буду стрелять.

М.Я. Гловинская уточняет модель, вводя в интерпретацию слова угроза, называющего речевой акт, не только информацию о возможном совершении плохого (непродуктивного) действия для адресата, но и фактор прогнозируемого страха [5]:

Х говорит У-у, что сделает Р, плохое для У-а.

Х говорит это для того, чтобы У боялся, что Х сделает Р.

Специфика речевого акта угрозы обусловлена также невозможностью его перформативной формализации, поскольку глагол угрожать является квазиперформативом, содержащим, по мнению З. Вендлера, "подрывной фактор" в своей семантике. Однако существует мнение, что такие иллокутивные глаголы (в том числе глагол угрожать) могут использоваться в данной грамматической конструкции, выполняя особую коммуникативную задачу в общем интенциональном плане говорящего. Итак, заявление: я вам не угрожаю, но вы об этом пожалеете! есть две структурные особенности: союз но, который создает его логическую двухкомпонентность, и отрицательная частица не перед иллокутивным глаголом угрожать, который стоит в 1-м лице настоящего времени и употребляется с актантом, выраженным личным местоимением во 2-м лице.

Первая часть заявления "Я вам не угрожаю" является констатирующей: говорящий утверждает, что он не совершает никаких действий. Однако, вторая часть ... но ты пожалеешь об этом! он вносит ряд прагматических коррективов, которые оказываются решающими и переводят все высказывание в перформативный план, доказывая ложность первой части. Адресат тщательно

маскирует свою иллокутивную цель, и это обеспечивает успех осуществления, задуманного им действия. Именно для этой цели используется иллокутивный глагол 1-го лица единственного числа настоящего времени: из-за их антирезультативности легче осуществить реальное перформативное высказывание.

Таким образом, внутри высказывания происходит иллокутивная борьба двух сил — констативной (претендующей на искренность) и перформативной (обладающей искренностью и гарантирующей успех действия). Если преобладает иллокутивная сила перформативности, т.е. если слушатель правильно интерпретирует такое высказывание и установит существование сверхсекретной иллокутивной цели (угрозы), одновременно установив ложность утверждения, содержащегося в первой части, то это позволит ему адекватно оценить изменение отношений, которые сложились между коммуникантами на момент этого высказывания.

Список литературы:

1. Давлатова, Мансура Мансуровна, Гулчихра Насыровна Давлятова, and Алижон Рахматович Косимов. "Лингвокультурологический подход при обучении русскому языку в билингвальной образовательной среде." *ББК 81.2 Л59 73* (2021).
2. Косимов А. Р., Гафурова У. А. ЗНАЧЕНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА //Universum: филология и искусствоведение. – 2022. – №. 4 (94). – С. 41-43.
3. Kosimov, Alijon Rakhmatovich, and Xumora Mukhammadisa Kizi Iminova. "Idea-Aesthetic Concept of the Writer in the Aspect of the Development of Modern Uzbek Literature." *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding* 8.5 (2021): 274-279.
4. Rakhmatovich K. A., Saidjanovna T. U. К ВОПРОСАМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ //Zbiór artykułów naukowych recenzowanych. – Т. 190.
5. Косимов А. Р. и др. Русский Язык В Поликультурном Мире //Miasto Przyszłości. – 2022. – Т. 28. – С. 155-157.